текст определенного жанра, сохраняя в своей основе типичные жанровые признаки, попадает в «контекст» другого текста, имеющего свою жанровую специфику. Текст как интертекстуальная единица сохраняет четкие «контуры», ограничивающие его от остального текстового пространства. Следовательно, наряду с ритмической, синтаксической, морфологической и другими разновидностями интертекстуальности, возможно выделить ситуацию интертекстуального преобразования текста в аспекте первичности / вторичности. С другой стороны, с точки зрения первичности / вторичности могут быть рассмотрены более частные аспекты межтекстовых отношений

Несмотря на несомненную актуальность проблемы межтекстовых отношений, в настоящее время остается нерешенной проблема создания терминологической системы, обслуживающей именно эту сферу исследований. Существующие термины либо обозначают одни и те же понятия, либо не соотносятся друг с другом логически, то есть не выстраиваются в стройную терминологическую систему. Многие термины теряют важнейшие свои характеристики: фиксированное содержание, однозначность, отсутствие синонимичности, однозначность, систематичность. Выстроить иерархизированную терминологическую систему в области исследования межтекстовых отношений возможно лишь при однозначной интерпретации того или иного термина и при выявлении его объективных связей с другими терминами в этой научной области и при решении проблемы классификации интертекстуальных единиц, что должно являться предметом отдельного рассмотрения. Заявленная проблема находится на пересечении различных гуманитарных дисциплин, а ее решение, несомненно, значимо для развития не только лингвистики, но и философии (особенно философии постмодернизма, а соответственно, эстетики и поэтики постмодернизма), семиотики, культурологии, лингвокультурологии и других наук. Решение данной проблемы представляется необходимым в плане развития идей интерпретации художественных текстов и в первую очередь постмодернистских текстов, так как создание единой, общей теории художественной поэтики произведений постмодернистской литературы возможно на основе создания единой терминологической системы в этой сфере научных исследований.

Библиографический список

1. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994.
2. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М., 1975.
3. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 297-325.
4. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1986.
5. *Кузьмина, Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург; Омск, 1999.
6. *Купина, Н. А.* Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 215–233.
7. *Лесников, С. В.* Гипертекст русского языка / С. В. Лесников // Русский язык: исторические судьбы и современность / под. ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарпова. – М., 2001. – С. 413–414.
8. *Фатеева, Н. А.* Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Известия АН. – Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 5. – С. 11–21.
9. *Чувакин, А. А.* Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень / А. А. Чувакин // Текст: варианты интерпретаций. – Бийск, 1999. – С. 3–10.

Материал поступил в редакцию 1.11.2007

УДК 930(470)

А.С. Мельков

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОГРАФИИ. «ОПИСАНИЕ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ» А.В. ГОРСКОГО И К.И. НЕВОСТРУЕВА

Статья посвящена малоизвестному в науке эпизоду из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Цензура пыталась запретить издание многолетнего труда, но ученые смогли отстоять интересы филологической науки, дав компетентный и исчерпывающий ответ на цензорскую критику.

Синодальная библиотека, организованная в 1721 году, составлялась на основе древнерусских собраний. К середине XIX столетия богатства библиотеки весьма возросли. В то время ни одно другое книгохранилище России не содержало столько данных о древних славянских памятниках и материалов по истории славянских языков, сколько таилось в старинных рукописных и печатных актах этой библиотеки [1]. Между тем этот весьма ценный материал оставался научно невостребованным. За неимением настоящего указателя или каталога к нему им почти невозможно было пользоваться, хотя необходимость введения в научный оборот всего этого рукописного богатства для ученых филологов и историков, с последующим изучением в высшей школе чувствовалась уже давно.

Наконец инициативу положительно разрешить возникшую проблему взял на себя митрополит Московский Филарет. По его благословению в 1849 году профессор

Московской Духовной Академии, талантливый педагог, выдающийся археограф и церковный историк А.В. Горский совместно с преподавателем Симбирской Духовной Семинарии К.И. Невоструевым начал работу по составлению описания славянских рукописей Синодальной библиотеки.

Один из основных интересов этого исследования состоял в разрешении вопроса, который глубоко занимал А.В. Горского, а именно: «Как образовалось то собрание библейских книг на славянском языке, которое мы имеем до первых печатных изданий? И в каком виде вообще было известно слово Божие нашим предкам?» [2, II] При описании рукописей Синодальной библиотеки были намечены новые перспективы для плодотворной научной работы по генезису и восстановлению первоначального текста славянской Библии. По справедливому и компетентному приговору профессора Г.А. Воскресенского, это «есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенных фактов для истории священного библейского текста» [3, 50].

История славянского библейского и богослужебного текста постоянно затрагивается Горским на протяжении всего «Описания». Он доказал, что из ветхозаветных книг Библии были известны в славянском переводе архиепископу Новгородскому Геннадию далеко не все. Остальные книги Ветхого Завета были переведены с латинского языка и расположены не вполне правильно. Ученый заметил, что древнейшие славянские писатели приводят тексты Писания не согласно с древним оригиналом, а передают его очень часто по своему собственному переводу. Так, рассматривая рукопись XIII века, содержащую славянский перевод «Богословия» преподобного Иоанна Дамаскина, Горский выяснил, что автор перевода – Иоанн, экзарх Болгарский – не только сократил оригинал по составу, но и обогатил его собственными дополнениями. Вместе с тем, передавая цитаты Священного Писания, он воспроизводил их не в готовом кирилломефодиевском переводе, а в своем собственном [4, 292-307]. Аналогично поступал Константин, пресвитер Болгарский, когда переводил поучения святителя Иоанна Златоуста на воскресные дни; более того, он даже в своем труде под именем Златоуста поместил собственное сочинение [5, 9].

Таким образом, Горский установил следующую закономерность: чем древнее памятник славянской литературы, тем более в славянском переводе Священного Писания в силу разнообразных исправлений и переписок накапливается различий по сравнению с еврейскими и греческими первоисточниками [2, XI-XII]. Горский отметил это замечательное явление, поднимая вопрос об объеме и судьбе кирилло-мефодиевского перевода Священного Писания. Во главу угла в «Описании» Горский поставил анализ текста, «причем этот анализ отвечал всем требованиям как филологической, так и исторической науки, которые подкреплялись колоссальной богословской эрудицией ученого» [6, 275].

Описание рукописей, при непосредственном участии Горского, тянулось целых 14 лет. Результатом такой долгой работы было появление в печати шести довольно объемистых томов, в которых было подробно описано более 340 книг и рукописей. Первая книга «Описания» вышла в 1855 году, где рассмотрены все славяно-русские рукописи Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и, прежде всего, Библия архиепископа Новгородского Геннадия по спискам XV-XVII веков, а так же отдельные списки XII-XVII веков Евангелия, Апостола, Псалтири, Пророчеств и так далее. Рассмотрены они в сравнении с печатными Библиями, начиная с Острожской 1581 года, и параллельно с библейскими греческими, латинскими и еврейскими текстами [2].

Но именно этой первой книге, да и всей обширной серии «Описания», грозила печальная участь остаться навсегда в безвестности. Дело обстояло так. Когда первый том «Описания» был подготовлен, то его окончательный вариант осенью 1852 года был представлен ординарному профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандриту Иоанну (Соколову), состоявшему членом Комитета Духовной Цензуры [7, 485].

Не отвергая научной эрудиции и талантов авторов, цензор именно в их учености и усмотрел опасность для самой Церкви и в своем отзыве принял на себя обязанность не допустить выхода книги в печать. Два пункта в «Описании» показались ему особенно крамольными и неблаговидными: 1) убедительные доказательства того, что во всем множестве славянских списков Священного Писания авторы не нашли ни одного исправного; 2) указание на то, что полное собрание Ветхозаветных книг на славянском языке появилось на Руси в XV веке с заимствованиями из Вульгаты, латинских и немецких изданий. Сама попытка ученых описателей критически исследовать славянский текст Библии представляется цензору дерзостью, посягающей на Священное Писание: «Описатели предложили в своем труде цель, не только собственно библиографическую, но учено-критическую. Если бы они ограничились одной первой целью, то довольно было бы описать время и место происхождения каждой рукописи, состав ее, особенности языка… Но описатели пошли далее. Они вооружились ученой критикою и стали исследовать и судить о достоинстве самих переводов Св. Писания, сличая их с греческими и другими изданиями его. В таком случае уже невозможно скрыть всех неисправностей в наших переводах Библии. Но нужно ли это в предложенном описании рукописей библиотеки?» [8, 495]

Отзыв архимандрита Иоанна поставил вопрос о публикации «Описания» довольно серьезно. При той недоверчивости, с какой в то время относились к научному изданию древнерусских церковных памятников, такой отзыв мог вызвать серьезное сомнение в том, нужно ли и полезно ли такое описание. К счастью для нашей Церкви и нашей науки, дело описания рукописей было близко и дорого митрополиту Московскому Филарету, бывшему не только сильным богословом, но и опытным педагогом и ревнителем просвещения. Святитель поручил Горскому составить подробное объяснение на возражения и требования цензорской рецензии. Горский взялся за дело и уже летом 1853 года после тщательной, кропотливой работы и постоянных консультаций с митрополитом Филаретом, ответ был готов. Сам документ озаглавлен так: «Апология "Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки" и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора)» [9].

В итоге из-под пера Горского вышло то, что с полным правом можно назвать шедевром полемического искусства. В серьезном научном стиле ответ на рецензию архимандрита Иоанна был дан компетентный и исчерпывающий [10, 496-515]. Горский с особенной энергией защищает научную постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблаговидным и неполезным для общего чтения рассматриваемый труд может признать только придирчивый взгляд, отягощенный лож-

ложными суждениями. На требование цензора устранить научно-критическую составляющую часть Горский отвечает энергичными словами с чувством исполненного долга перед Церковью и наукой: «Под благовидным предлогом прикрытия недостатков древнего текста, рецензия устраняет из описания и все другие исследования: тогда как при известном мнении об утрате первоначального перевода ветхозаветных книг, представляются необходимым вопросы: откуда же взялись у нас переводы ветхозаветных книг в полных списках Библии и в отдельных рукописях? Что составляет первоначальную основу нынешнего нашего кодекса св. книг? В какой мере древние переводы могли удовлетворять спасительному желанию знать Слово Божие? Все эти вопросы, разрешаемые сличением списков между собою ближайшим рассмотрением древности перевода каждой книги, поверкою перевода с подлинником, автор рецензии хочет изгнать из описания под наименованием ученокритической работы. Описание представляет убедительные доказательства, что Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь известны у нас в переводе глубокой древности; что текст книг пророческих извлечен из перевода толкований на Пророков, который известен у нас еще в первой половине XI столетия; что также извлечен из древних переводов и текст книги Иова и Песни Песней, что книга Есфирь переведена с еврейского языка. Автор рецензии, не опровергая ничем этих доводов, не хочет дать им места в описании» [10, 511].

Как видно из всего выше сказанного, цензор отрицает необходимость полноценного научного анализа всего рукописного собрания. В угоду личным амбициям и нездоровой мнительности, автор отзыва отрицает саму возможность использования сравнительно-исторического и критического методов в библейской текстологии, низводя само «Описание» до простого библиографического указателя.

Тем же летом 1853 года «Апология» была отправлена в Синод, а в первых числах ноября митрополит Филарет сообщил Горскому через Невоструева, что «представленное в Синод описание разрешено к напечатанию так, как оно есть и защищено вами, без исключения исследования» [7, 490].

Так благополучно закончилась история с первой книгой «Описания». Своим благоприятным исходом она обязана блестящим ответом А.В. Горского на отзыв цензора, но и в не меньшей степени святителю Филарету Московскому. Не будь его во главе всего предприятия, такой цензорский отзыв, как отзыв архимандрита Иоанна, мог вполне погубить все дело. Поручая К.И. Невоструеву преподнести митрополиту первую часть «Описания», Горский писал: «Прошу покорнейше представить ее от нас Святителю, который указал нам этот труд и постоянно руководил нас своими советами и ободрял милостивым вниманием. Мы помним, и будем помнить, что без его сильного слова не видать бы нашей книге света. Представляя книгу, прошу все изъяснить нашему Покровителю смелым голосом чистой, искренней благодарности, чтобы он видел в этом не один формальный обряд, но чтобы в душе его ясно сказались наши чувства» [7, 492] И это искреннее чувство благодарности к святителю Филарету за защиту «Описания», выраженное А.В. Горским, должно быть близко всякому, кто переживает и дорожит успехами русской науки.

Библиографический список

1. *Иконников, В. С.* Опыт истории русской историографии / В. С. Иконников. – Киев, 1891-1892. – Т. 1.
2. *Горский А. В.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / А. В. Горский, К. И. Невоструев. – М., 1855. – Т. 1. – отд. 1 : Священное Писание.
3. *Глубоковский, Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии / Н. Н. Глубоковский. – М., 2002.
4. *Горский, А. В.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / А. В. Горский, К. И. Невоструев. – М., 1859. – отд. 2 : Писания святых отцов. Ч. 2.
5. *Кириллин, В.* Александр Горский и русская археография / В. Кириллин // Историческая газета. – 1996. – № 9.
6. *Воробьев, М. Н.* А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) / М. Н. Воробьев // Богословский сборник. – М., 1997. – № 1, вып. 1.
7. Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки // Богословский вестник. – 1900. – № 11.
8. Рецензия на «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» // Богословский вестник. – 1900. – № 11.
9. Черновой вариант см.: ОР РГБ, ф. 78. к. 9, ед. хр. 2.
10. Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора) // Богословский вестник. – 1900. – № 11.

Материал поступил в редакцию 3. 09. 2007.

УДК 821.161.1:398.4

П.Ф. Маркин

МИФОПОЭТИКА ГУБЕРНСКОГО БАЛА КАК БЕСОВСКОГО ШАБАША В «МЁРТВЫХ ДУШАХ» ГОГОЛЯ

Представлен анализ смыслов известного произведения Н.В. Гоголя в контексте мифопоэтики бестиальной модели шабаша с использованием концептуальных идей мистической и эзотерической литературы.

В первой трети XIX в. в русской романтической литературе резко обострился интерес к национальной мифологии, что было обусловлено стремлением писателей к сущностному постижению характера народа, его менталитета и национальной самобытности. Мифопоэтическая стихия оказалась чудесным «Телемом», свободным